

DOI 10.24412/1026-8804-2026-2-203-220

УДК 391.984

Орнамент на ножнах айнского меча: его символика и функциональное назначение

Марина Викторовна Осипова,

кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник отдела этнографии Сибири Музея
антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург.

E-mail: ainu07@mail.ru

Статья посвящена такому аксессуару воинского снаряжения айнов, коренного народа тихоокеанских островов, как ножны к мечу. В зарубежной и отечественной научной литературе лишь вскользь упоминалось о них и том орнаменте, который наносился на поверхность ножен и накладок к ним. Исследователи в большей степени обращали своё внимание на конструктивные особенности меча. Поэтому видится актуальным рассмотреть вопросы, связанные с орнаментацией айнских ножен, символикой их узоров и функциональным назначением этого предмета. Впервые в отечественной этнографии с применением интердисциплинарного подхода к проблеме, позволяющего сочетать методы этнографии и искусствоведения, а также с использованием символического подхода, интерпретирующего культуру народа как мир смыслов, сочетающих «вещное» и «знаковое», был проведён анализ имеющихся на ножнах к айнскому мечу орнаментальных композиций. Источниками исследования послужили, прежде всего, артефакты, хранящиеся в четырёх музеях страны (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Российский этнографический музей, Сахалинский областной краеведческий музей, Дальневосточный художественный музей), этнографические и фольклорные материалы, не переведённые на русский язык. В результате было подтверждено, что ножны к айнскому мечу являются не только вещью, выполняющей утилитарную функцию, но и определённым «знаком», продуктом культуры, передающим кодированный смысл. В этом предмете соотношение «вещного» и «знакового» оказалось равным. Ножны, как материальный объект айнской культуры, играли большую роль в ритуальных практиках народа, что также нашло отражение в тексте статьи. Помимо основной

функции предмета — обезопасить человека от острых частей оружия — была определена основная функция орнамента: он служил оберегом, защищающим владельца меча от преследующих его злых духов. Полученные результаты могут послужить основой для сравнительно-сопоставительного анализа подобного аксессуара воинского снаряжения, имевшегося у палеоазиатов — нивхов Амура-Сахалинского региона.

Ключевые слова: айны, ножны, орнамент, вещь, знак, символика, оберег.

Ornament on an Ainu Sword Scabbard: Symbolism and Function.

Marina Osipova, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS, Saint Petersburg, Russia. E-mail: ainu07@mail.ru.

The paper is devoted to the sword scabbard as an accessory of Ainu warrior equipment. The Ainu are the indigenous peoples of the Pacific Islands. Both foreign and domestic scholarly literature mentioned sword scabbards briefly, along with the ornamentation applied to the surface of scabbards and their fittings. Researchers mainly focused on the structural features of a sword. Therefore, it seems relevant to examine issues related to the ornamentation of Ainu scabbards, the symbolism of the motifs, and the functional purpose of this object. For the first time in Russian ethnography, an analysis of the ornamental compositions found on Ainu sword scabbards was conducted using an interdisciplinary approach that integrates the methods of ethnography and art history, as well as a symbolic approach interpreting culture as a system of meanings combining the “material” and the “sign”. The primary sources of the study were artifacts held in four museums in Russia: the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, the Russian Ethnographic Museum, the Sakhalin Regional Museum of Local Lore, and the Far Eastern Art Museum, as well as ethnographic and folklore materials that had not been translated into Russian. As a result, it was confirmed that Ainu sword scabbards are not only objects serving a utilitarian function but also a form of the “sign”, a cultural product that conveys encoded meaning. In this object, the balance between the “material” and the “sign” is equal. Scabbards, as materials objects of the Ainu culture, played an important role in the ritual practices of the people, which is also reflected in the paper. In addition to the main function of the object — to protect a person from the sharp edges of the weapon — the principal function of the ornament was also identified: it served as an amulet protecting the sword’s owner from evil spirits that pursued him. The obtained results may serve as a basis for a comparative analysis of a similar element of warrior equipment among the Paleo-Asiatic peoples — the Nivkh of the Amur-Sakhalin region.

Keywords: Ainu, scabbard, ornament, material, sign, symbolism, amulet.

В айноведческой литературе такому аксессуару боевого оружия, как ножны, не уделено до сих пор должного внимания. И это несмотря на то, что данный предмет играл важную роль в жизни айнов. На сегодняшний день существует три вида источников, где можно почерпнуть информацию по обозначенной теме: литературные, визуальные и музейные артефакты.

Первые сообщения о ножнах датируются 1643 г. Это дневниковые записи капитана Маартена Герритсона де Фриса, вспоминавшего, что у встреченных им на Сахалине айнов были за поясом мечи в ножнах, оправленных серебром или украшенных резьбой [25, р. 32]. Английский мореплаватель У. Броутон, побывавший на Хоккайдо в начале XIX в., тоже сообщал, что видел у каждого айна по два меча или сабли, украшенных золотом и серебром [21, р. 97]. Возможно, речь шла именно об украшении ножен. Врачи Ф. фон Зибольд и Б. Шойбе отмечали наличие на ножнах айнских сабель из дерева, металла и рыбьей кожи рельефных украшений [31, s. 241; 29, s. 229]. После айнских выступлений против правящего на Хоккайдо клана Мацумаэ в 1669—1672 гг. вышел запрет на производство и использование мечей в качестве оружия, появились их имитации [32, с. 48—49], и в конце XIX в. немецкий дипломат М. фон Брандт видел уже не боевые мечи, а эти имитации, ножны которых были декорированы «грубой резьбой, а иногда линейными орнаментами чёрного цвета» и полосками коричневой коры [20, s. 28]. О наличии сабель с ножнами к ним у айнов южных Курил упоминал сборщик ясака Н. Сторожев, которому подарили саблю с ножнами, «оправленными медью с серебряной насечкою», такую же саблю получил сотник И. Черный [15, с. 50, 59]. Первые сведения об айнских ножнах/мечах из японских источников относятся к началу XVIII в. Мацумия Кандзан сообщил, что айны изготавливают лишь ножны к японским клинкам [19, с. 100].

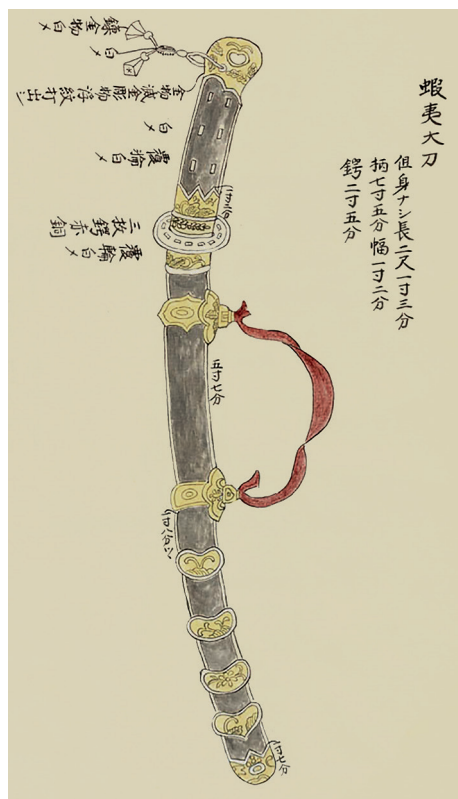

Рис. 1. Ножны с металлическими накладками. Источник: Араи Хакусэки. Записки об Эдзо, 1720

В результате товарообмена с айнами Хоккайдо на Сахалин поступали произведённые в Японии мечи в ножнах, которые, по свидетельствам Мамия Риндзо, он видел у местных нивхов [9, с. 124].

Впервые изображения айнского меча и ножен появились в книге Араи Хакусэки «Записки об Эдзо» (1720). Таких рисунков было два: на одном представлены ножны, отделанные металлическими накладками из тонкой латуни, на которых виден изысканный узор, на другом — ножны, изготовленные из скрученной кожи с нанесённым на неё красной и чёрной краской узором и с декоративным элементом в виде меча [19, с. 128, 207—208]. Такие мечи с ножнами могли принадлежать только уважаемому и богатому айну. Если же оружием владел бедняк или человек среднего достатка, то узор на ножны не наносился (МАЭ № 4974-55) [24, р. 189]. Ещё одним визуальным источником является серия рисунков айну-э разных авторов и альбом Какидзаки Хакё «Исю Рэцудзо», где у старейшины Цукиноэ в руках изображён короткий меч в ножнах, а у старейшины Сёнка на боку длинный меч, ножны которого декорированы металлическими накладками [33, с. 27, 29]. С появлением фотографии и киносъёмки меч в ножнах в руках айна стал излюбленным сюжетом. Наиболее известными были цветные снимки российского фотографа Э. Нино и чёрно-белые японского фотографа Киносита Сейдзо.

Сегодня ножны и накладки для айнского меча *эму(ш)-сирика* (хокк. д.) / *сая* (сах. д.) — это предметы музейных собраний. В нашей стране они хранятся в четырёх музеях: в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ РАН), Российском этнографическом музее (РЭМ), Сахалинском областном этнографическом музее (СОКМ) и Дальневосточном художественном музее (ДВХМ). Коллекция ножен МАЭ РАН небольшая — 18 ед. хр., но она имеет наиболее ценные экземпляры, датируемые XVIII в. Это ножны с Курильских о-вов. Кроме них в коллекции представлены образцы ножен сахалинских айнов. Самое репрезентативное собрание ножен с Сахалина и Хоккайдо находится в РЭМ (37 ед. хр.). В СОКМ и ДВХМ имеются единичные образцы с Сахалина и Хоккайдо.

До середины XX в. орнамент на айнских ножнах в качестве объекта исследования внимания учёных не привлекал. И только в 1943 г. Киндайти Кёсукэ и Сугияма Суэо в своём альбоме «Айнское искусство. Металлические и лакированные изделия айнов» обозначили наиболее характерные растительные и геометрические узоры на ножнах. Современных научных трудов, посвящённых данной теме, немного. А.М. Соколов впервые затронул её в своей работе «Айны: от истоков до современности. Материалы к истории становления айнского этноса» и в статье «Айнские

мечи на страницах российских и зарубежных источников». Позже, уделив определённое внимание этому аспекту в работе «Пламенеющие клинки айнов», он представил имеющийся на ножнах декор, однако его семантическую составляющую не рассматривал [17]. Японский исследователь Кохара Тосихиро посвятил статью «О мечах эмушь и о технике изготовления ножен и рукоятей» конструктивным особенностям и принципам создания ножен, вскользь упомянув о наличии на них узоров. Попытку раскрыть тему значения орнамента на ножнах предпринимала автор данной работы («Семантика растительного узора на ножнах айнского меча»), но это были предварительные замечания по теме.

Анализ источников показал, что когда речь шла о мечах, то в первую очередь обращалось внимание на клинок и в меньшей степени затрагивался вопрос орнамента, нанесённого на ножны. Авторы концентрировали внимание больше на конструктивных особенностях данного предмета и способах его изготовления. Поэтому речь в представленной статье пойдёт об особенностях орнамента на ножнах и накладках к ним, его символике и функциональном назначении. Источником исследования стали музейные предметы, опубликованные этнографические и фольклорные материалы, не переведённые на русский язык, а методологической базой послужили интердисциплинарный подход, позволяющий сочетать методы этнографии и искусствоведения, а также символический подход, интерпретирующий культуру народа как мир смыслов, сочетающих «вещное» и «знаковое».

По способу изготовления все ножны, бытовавшие у айнов, можно разделить на японские, изготовленные японскими мастерами, и айнские, изготовленные айнскими мастерами. Японские, в свою очередь, подразделялись на два типа: традиционные самурайские, деревянные, иногда покрытые лаком или обтянутые акулей кожей, декорированные резным орнаментом, перламутром, металлическими накладками с орнаментальными композициями; другие были имитацией самурайских [17, с. 143]. Ножны айнского изготовления тоже были деревянными, либо с резным орнаментом, с покупными металлическими накладками с орнаментальными композициями на них, либо оплетёнными полосками коры сакуры или бересты [41, с. 196].

Следует заметить, что любой материальный артефакт музейной коллекции выражает некоторый порядок, созданный мыслью человека. Он функционирует, во-первых, в качестве «вещи» — изготовленного из определённого материала, определённой формы и соответственно оформленного предмета потребления — и, во-вторых, в качестве «знака» — функционального, порой кодированного смысла или «культурного факта, продукта

культуры», передаваемого данным предметом [3, с. 425—426; 2, с. 215]. Это предполагает рассмотрение артефакта с точки зрения мифологических представлений о его «легендарном либо сверхъестественном происхождении» и роли в ритуале [7, с. 25].

В ножнах с нанесённым на них орнаментом соотношение «вещного» и «знакового» практически равнозначно. Если «вещное» обеспечивает их утилитарное назначение — защиту от нежелательного действия острых частей оружия, способных нанести ранение владельцу или повреждение окружающим предметам, то не меньшее значение имеет «знаковое», содержательное наполнение, тот духовный опыт народа, который указанный музейный предмет передаёт условно (знания, обычаи, эмоции и т.д.) [1, с. 14].

Мифологическое происхождение меча и ножен подтверждается фольклорными произведениями айнов. О том, что меч — это дар божеств, повествуется в *ойна*¹ айнов Сахалина и Хоккайдо. Первые считали меч с декорированной изображением божеств гардой и исходящим из неё или от одной из сторон меча огнём, призванным устрашать и отгонять злых духов, даром божества моря [28, р. 175, 178]. По версии айнов Хоккайдо, ножны с орнаментом тоже были божественного происхождения. Культурный герой айнов Аиойна («Наш наследственный бог») от своего отца, Верховного Божества, получил принадлежавшие тому обождённые огнём ножны, так как, спускаясь с небес, отец был охвачен пламенем [23, р. 383—384]. А.М. Соколов высказал предположение, что для того, чтобы подчеркнуть связь айнов с их культурным героем, иногда ножны чернили или отдавали японским мастерам для покрытия чёрным лаком (МАЭ № 820-4, 4974-53; СОКМ КП-90/3) [17, с. 154—155]. Но не стоит забывать: японские мастера покрывали свои изделия чёрным лаком ещё и потому, что чёрный *куро* (黒) в Японии издавна считается традиционным мужским цветом и цветом самураев, а красный *ака* (赤), иногда присутствующий на ножнах или накладках (МАЭ — 3 ед. хр.; РЭМ — 5 ед. хр; СОКМ КП 2270/28), призван отгонять злых духов.

Ритуальная роль меча и ножен в жизни айнов была огромной. В каждом описании к приобретённому артефакту собиратель В.Н. Васильев писал: «Весится на празднике в юрте» [Арх. РЭМ. ОК № 2817]. Орнамент на ножнах, по мнению Ч. Дюбрей, находился в тесной связи с понятием *сермак*, что означает «спина», «тень» (хокк. д.) / «прадед» (сах. д.) [22, р. 293]. На это указывает тот факт, что вначале айны носили меч на спине, защищая эту недоступную для собственного взгляда часть тела от проникновения

¹ *Ойна/юкар* — предание о божестве, божественная песня, исполняемая божеством, поучения божеств.

Рис. 2. Мечи в ножнах. Открытка

злых духов, и разбрызгивали сакэ для покровительствующих им божеств и предков через плечо. Д. Филиппи говорил о *сермак орке* — «сверхъестественной» защите, а слово *сермак* означало «позади» [27, р. 350].

У мечей-имитаций лезвия клинков были укорочены или отсутствовали, но ножны оставались прежнего размера. Такой меч служил ритуальным атрибутом на «медвежьем празднике», во время ритуальных танцев и в качестве компенсации в спорных ситуациях [11, с. 285]. При проведении «медвежьего праздника» мечи в ножнах развешивались в доме или на специально сооружённой из циновки стене с целью украшения, а также для устрашения злых сил, которые могли бы помешать душе медведя попасть в Верхний мир [14, с. 131—132]. Мужчины исполняли сольный или парный ритуальный танец с мечом *эмуш(сь) римс*, демонстрировавший силу и решительность действий человека по защите духа-медведя [10, с. 83—84]. Мечи использовались во время пляски — встречи с айнами из других селений, свидетелем чему был купец Д.Я. Шабалин [18]. Если человек погибал в результате несчастного случая, то во избежание захвата его души злыми духами исполнялся ритуальный танец *нивен хориппе* (*унивентэ* — «злиться вместе»), во время которого в руках мужчин был меч, а ножны находились в перевязи, надетой через плечо [10, с. 87—88].

Изготовлением ножен *с(ш)ирика* (*сая*, *кэпус(ш)* (*с(ш)ирика* — «верхняя часть чего-нибудь, ножны») занимались опытные

Рис. 3. Мураками Симанодзё. Изгнание злых духов, 1799.
Муниципальная библиотека Хакодате

мастера. В юкар «Кутунэ С(ш)ирка» / «С(ш)упнэ с(ш)ирка» («Ножны, сделанные из камыша»: куту — растение, имеющее полый ствол + нэ — «быть», с(с)ирка/с(ш)ирика — «узор») о нанесении на ножны узора говорилось: «На троне сидя / Своём высоком, / Узор на ножнах / Всё вырезая, / Ничем другим / И только этим / Лишь занят был я» [11, с. 285]².

Орнамент на ножнах айнских мечей можно рассматривать и с точки зрения его семантики, определяющей соответствия «между абстрактно-геометрическими формами и реалистическими изображениями предметов» на них, и как этномаркирующий элемент, и с точки зрения искусствоведения, то есть эстетического воздействия узора на зрителя [13, с. 50—51].

Несмотря на то, что узоры обоих народов тесно связаны с природой, мастера, которые принадлежали к разным культурам — японской и айнской, наносили на ножны орнамент согласно своей культурной традиции.

Неотъемлемой частью повседневной жизни японцев были и остаются цветы. На ножнах и накладках к ним можно видеть хризантему, камелию или мальву. Каждый из указанных цветков являлся не просто красивым растением, а определённым символом. Хризантема (яп. *кику*, 菊) выражает стойкость и решительность, её изображение есть на накладке к ножнам МАЭ № 820-1.

² Пер. с англ. М.В. Осиповой.

Этот цветок — символ императора Японии, прямого потомка богини солнца Аматэрасу. Божество-солнце Чуф камуй тоже было одним из самых почитаемых в пантеоне у айнов. В айнской коллекции Б. Баратоши-Балога в Музее этнографии Будапешта автор данной статьи видела ножны (колл. № 128546), на деревянной поверхности которых в обрамлении элементов геометрического и растительного орнаментов расположены цветы хризантемы. Возможно, что её появление на ножнах связано с лекарственными свойствами. Издавна бытовало поверье, что настойка из лепестков цветка способствует долголетию. У Басё есть по этому поводу хайку: «Рушит старуха рис / А рядом — знак долголетия — / Хризантемы в цвету» [4]. Камелия (яп. *цубаки*, 椿) в японской мифологии олицетворяет душевную чистоту и достоинство и тоже является одним из символов богини солнца Аматэрасу. Эти цветы можно видеть на металлической накладке ножен МАЭ № 4974-134. Родовой знак *монсё* (紋章) клана Токугава — мальва (яп. *аой*, 葵), цветок, защищающий от стихийных бедствий (РЭМ № 6831-373/2). Растительный узор в виде распускающихся цветов, лиан с листьями, изображённый на ножнах к мечу японским мастером, имел магический смысл — он был призван отвести угрозу гибели человека [16, с. 48].

Самым популярным, служащим гербом нескольких японских семей и получившим распространение среди айнов, был *мон* (紋) *томоэ* (巴紋 — «три запятые»), или *мицуток*. Данный знак состоял из трёх изогнутых фигур, расположенных внутри круга (МАЭ — 3 ед. хр.; РЭМ — 3 ед. хр.). Считается, что это продукт китайско-японской культурной традиции, он являлся символом противоборствующих сил природы, эмблемой божества грома и вечности. Айны полагали, что данный знак обладал особой магической силой, поэтому переняли его у японцев и поместили на свои ножны [30, с. 239]. На накладке к ножнам МАЭ № 4974-134 можно видеть

Рис. 4. Ножны ритуального меча. Неизвестный мастер. ДВХМ КП-14034

изображение бамбука (яп. *такэ-мон*, 竹紋) — символа вечной молодости и неукротимой силы — и китайского колокольчика (яп. *кикё-мон*, 桔梗紋), олицетворявшего постоянство и ответственность.

Если говорить об айнских орнаментальных композициях на ножнах и накладках, то они состояли как из растительных: виноградной лозы (*пункар-сирики*), мискантуса китайского (*синнэ*), белокопытника японского (*коркони*), горца японского (*котонэ*) (МАЭ — 5 ед. хр.; РЭМ № 2827-64), так и из этномаркирующих криволинейных элементов: скобообразного узора *аюс*, завитка *морэ(у)в* с его вариацией с колючками *ус морэ(у)в сирики*, элементов «глаз» *сик-сирики* и «сердце» *рам-сирики* (МАЭ — 9 ед. хр.; РЭМ — 24 ед. хр.; ДВХМ КП-14034; СОКМ КП 90-3).

Появление на ножнах айнских мечей растительных узоров, на наш взгляд, было обусловлено инокультурным влиянием со стороны уже сложившейся традиционно-стилевой структуры японского орнамента, в котором преобладают растительно-зооморфные мотивы. При этом, по словам А.С. Лэндора, айнский мастер «не обращался непосредственно к природе и не копировал покорно работы соседей», а черпал идеи из обоих источников и благодаря «доле собственного воображения изменял увиденный рисунок», делая его оригинальным [24, р. 219]. Элементы растительного орнамента, текущие, без острых углов, смягчали строгость геометрических линий, расположенных на ножнах, придавали некую интимность изображению. Мягкие линии растительного орнамента были призваны выразить на сугубо мужском предмете — ножнах — любовь к окружающему миру, гармонию взаимоотношений человека и природы.

От того, какое растение изображалось на ножнах, зависело название меча. Если они были с узором из стеблей белокопытника, то меч именовали *коркони кайран* (*кай* — «носить на спине» + *ран* — «падать, спускаться»). Меч *котонэ сирика* имел ножны с вырезанным на них узором стеблей горца японского, у меча *синнэ сирика* на ножнах был узор из соцветий и листьев мискантуса [36, с. 6—7]. Почему именно эти растения выбирались в качестве образца для создания узора? Возможно, их стойкость и противостояние суровым зимним условиям, после которых они быстро восстанавливались и бурно шли в рост, восхищали айнов и напоминали людям их собственные нелёгкие условия жизни, где противостояние не только природным условиям, но главное — японскому давлению воспитывало в них жизненную стойкость. Широко известны целебные свойства белокопытника и горца. Горец является эффективным средством в лечении заболеваний крови и желудочно-кишечного тракта, стебли белокопытника используются в пищу. Мискантус же — растение

декоративное, его цветущие султаны создают неповторимую красоту и оказывают эстетическое воздействие на человека.

Как и растительный, геометрический орнамент (фигурная скобка, широкие ленты, сетка, спираль, ромбы, чешуйчатый орнамент) на ножнах давал название мечу. Если он напоминал волнообразные складки на поверхности ножен, то меч именовался *сэути кайран* («напоминающий рёбра»); если это был узор, похожий на паутину *яош(с)кеп* («паучий»), то меч назывался *яош(с)кеп кайран*; сетчатый узор давал название *ясьяй опаппу* (ясь/я — «сеть»); по ленточному узору меч получил именование *ч(т)иконоз* («бежать вокруг»); меч, чьи ножны были обтянуты акульей кожей, назывался *каукау нока таннэп икор* («меч с изображением града») из-за белых пятнышек на ней, ассоциировавшихся с градом (*каукау* — «град» + *нока* — «изображение») (МАЭ — 3 ед. хр.) [36, с. 6—7; 17, с. 145—146]. Меч, ножны которого были декорированы изображением меча, назывался *паккай таннэп* — «меч, который несёт на себе другой меч» (*паккай* — «нести на спине, как ребёнка») (РЭМ № 2616-81) [17, с. 108]. Существовали ножны с накладкой, напоминающей по форме ритуальный предмет *икуниси/икупасуй* (МАЭ № 4974-138, РЭМ № 6756-42).

В основе каждого айнского геометрического узора лежал мифологический сюжет. Киндайти Кёсукэ и Сугияма Суэо полагали, что мягкое начертание фигурной скобки *аюс* соответствовало характеру айнов, а присутствующий в каждой скобке шиповидный выступ плавно перетекал в изгибы, которые создавали границу, защищающую от проникновения злых духов. В *юкар* элемент *морэ(у)в* был представлен в образе маленькой золотой или сверкающей женщины-вихря. В отдельных местностях этот узор ассоциировался с волной, чешуёй или папоротником-орляком [35, с. 17—18; 38, с. 29, 38]. «Паучий» узор своим происхождением был обязан божеству-паучихе Яош(с)кеп камуй, в чьей паутине запутывались и погибали злые духи, такой же смысл нёс узор, напоминавший сеть [37].

Отдельное объяснение необходимо для изображения меча на ножнах и накладке, напоминающей *икуниси/икупасуй*. *Паккай таннэп* — «меч, который несёт на себе другой меч», будучи даром божеств, находился под их защитой и обладал двойной силой, придавая владельцу уверенность в себе, храбрость и смелость. Ещё одно предназначение такого оружия можно встретить в *упаськума*³, записанной Н.А. Невским, где оно выступает в роли охранителя айнов, а в случае болезни в сочетании с молитвой — надёжного лечебного средства. Здесь подчёркивается роль меча, присущая палочке *икуниси/икупасуй*: «...мечами

³ *Ун(и)аськума* — правдивые истории о путешествии айнов.

Рис. 5. Меч паккай таннэп. Источник: Араи Хакусэки.
Записки об Эдзо, 1720

перепоясавшись, вы (айнские вожди. — М.О.) должны выносить вино. И в таком случае божественный напиток будет возноситься [к богам]» [8, с. 142]. Изображение меча на ножнах трактуется А.Б. Островским как подтверждение сакральной коммуникации людей и божеств, двустороннего движения от людей к божествам и от божеств к людям [12, с. 179]. Это справедливо в отношении накладки в форме *икуниси/икупасуй*. Вознося молитву и делаясь с божествами алкогольным напитком с помощью *икуниси/икупасуй*, айны осуществляли взаимовыгодное взаимодействие с ними. Одни получали дары и почитание, другие — защиту и покровительство.

Зооморфный орнамент на ножнах и накладках заслуживает особого внимания. Не вызывает сомнений, что накладки с таким узором японского производства, так как айны, согласно их анимистическим воззрениям, животных в орнаменте не изображали. Однако имеются исключения: на накладках МАЭ № 4974-143 изображены косатки, а на РЭМ № 2816-81 — медвежьи головы. В «Кутунэ Ш(с)ирка» упоминается о ножнах с изображениями медведя, волка, мужского и женского божеств грома в виде покрытых чешуёй драконов.

Божество — хозяин моря косатка Репун камуй, помимо оказываемой помощи в рыбном промысле, был прародителем айнов, женившись на айнской девушке [26, р. 158—161], что обеспечивало им защиту. Появление на айнских предметах дракона связывалось с поступавшими из Китая к айнам тканями с изображениями этого мифического существа [34, с. 160]. Считалось, что, когда герою угрожала опасность, божества на ножнах оживали и уничтожали врагов. Об этом пелось в *юкар*: «Божество-дракон по краю ножен / Лисица-демон в начале ножен / Драконша-божество на ножнах / Фигуры богов на ножнах / Они оживают на ножнах / И увеличиваются в размерах» [40, с. 185]⁴. Образ дракона (кит. лун, 龍) в мужском и женском облики, перешедший в японскую мифологию из Китая, — это божество воды, дождя, источник грома и бури, дракон мог вызывать землетрясение. Японцы считали это существо своим божеством-защитником, олицетворявшим силу, мудрость, процветание и удачу [6, с. 102—104]. Данный образ перешёл и к айнам. Их божество-дракон *сак-сомо-айен* («тот, о ком нельзя упоминать летом», от *хою* — «змея» + *чатай* — «змея, дракон») — обитатель озёр или болот — иногда сопровождал шаманов, борясь со злыми духами. Божество грома айнов Канна камуй тоже принимал облик дракона или огненного змея. Айны с большим почтением относились к нему, боясь его гнева, так как за непочтительное отношение к себе Канна камуй наказывал огнём [27, р. 149—161]. К образу дракона в китайской мифологии примыкает образ оленя (кит. лу, 鹿), изображённого на металлических накладках к айнскому мечу. Этот знак долголетия, богатства и благополучия также перешёл в японскую мифологию из китайской. Считалось, что олени (яп. *кэшика*, 鹿) способны защищать человека от тёмных сил, а их рога и шкура были оберегами от змей и злых духов. Дракона иногда называют «небесным оленем-самцом».

Упоминаемые в айнских *юкар* медведь и волк занимали особое место в пантеоне божеств. Медведь Нупури-кор камуй, «божество, правящее горами», отправляясь в мир людей, облачался в чёрные одежды, подобные человеческим, и, вступив с айнкой в брачные отношения, считался прародителем айнов, охраняя своих потомков на протяжении всей их жизни. Не менее значимая роль в защите и охране человека отводилась волку Хоркеу камую. Айнов восхищали его ум и охотничьи навыки [27, р. 75—77].

Упомянутая в *камуй юкар* лисица-демон *чироннун* считалась божеством невысокого ранга, однако люди ценили лёгкость её походки, способность проходить сквозь колючие заросли, незаметно приближаться к поселениям и издавать пронзительный

⁴ Пер. с яп. М. Осиповой.

устрашающий крик. Считалось, что так лиса предупреждала людей о надвигающемся стихийном бедствии, которое они не могли почувствовать [39, с. 298—299]. В коллекции РЭМ имеются ножны-амулет с геометрическим узором для праздника в честь лисицы (РЭМ № 5110-198абв).

Орнамент на ножнах создает определённую атмосферу, тесно связанную с мифологией, религиозными воззрениями и культурой народа в целом. Образцы использовавшихся в декорировании ножен узоров, своеобразных знаков-символов, их сочетание являются ярким свидетельством умения айнов сообщать метафорически и эмоционально необходимую информацию. Орнамент на ножнах «поднимает предмет над ограниченностью его практического назначения, делает носителем некоего общего принципа, малой моделью гармонического мирового порядка» [5, с. 243]. Анализ узора на ножнах айнского меча показал, что основной их функцией являлась духовная и физическая защита — *сермака* — владельца предмета. Духовная защита подтверждается примерами из айнской мифологии и присутствующими в орнаменте геометрическими, растительными и зооморфными узорами, которые были призваны отпугивать и устранять злых духов, обозначая и подчёркивая функцию оберега. Не менее важную роль через упорядоченность и структурность элементов играло художественное воздействие орнамента, вызывая определённые эмоции, ассоциации, настроения, отражающие эстетические и этические взгляды народа.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Байбурин А.К. Предисловие // Богатырёв П.Г. Народная культура славян / под ред. Е.С. Новик. М.: ОГИ, 2007. С. 7—18.
2. Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. СМАЭ. Л.: Наука, 1981. Т. XXXVII. С. 215—226.
3. Барт Р. Семантика вещи // Система моды. М., 2003. С. 416—426.
4. Басё. Лирика. URL: http://wikilivres.ru/Лирика_Басё/Маркова/Хайку_5 (дата обращения: 20.03.2016).
5. Герчук Ю.Я. Что такое орнамент? Структура и смысл орнаментального образа. М.: РИП-холдинг, 2013. 304 с.
6. Изотова Н.Н. Образ дракона в японской культуре: генезис и семантика // Японские исследования. 2024. № 2. С. 100—112. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-100-112.
7. Леви-Стросс К. Путь масок. М.: Республика, 2000. 399 с.
8. Невский Н.А. Айнский фольклор. М.: Наука, 1972. 175 с.
9. Описание Северного Эдзо, сделанное Мамия Риндзо // Краеведческий бюллетень. 1990. № 2. С. 58—130.

10. Осипова М.В. Айнский танец: от игрового к зрелищному. Хабаровск: Гранд Экспресс, 2019. 200 с.
11. Осипова М.В. Искусство айнов: традиции и современность. СПб.: Лема, 2025. 506 с.
12. Островский А.Б. Орнаментика айнских культовых предметов: признаки сакральной коммуникации // Кунсткамера. 2024. № 1(23). С. 175—183. DOI: 10.31250/2618-8619-2024-1(23)-175-183.
13. Палагута И.В. Орнамент как особый вид искусства // Художественная культура. 2020. № 1. С. 45—64.
14. Пилсудский Б.О. Айны Южного Сахалина (1902—1905 гг.). Южно-Сахалинск: Сахалинское кн. изд-во, 2007. 244 с.
15. Полонский А.С. Курилы // Краеведческий бюллетень. 1994. № 3. С. 3—86.
16. Синицын А.Ю. Оружие и боевое снаряжение японских самураев: Каталог коллекции МАЭ. СПб.: Борей Принт, 1999. 160 с.
17. Соколов А.М. Пламенеющие клинки айнов. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 252 с.
18. Шабалин Д.Я. Из рапорта передовщика, иркутского купца Д.Я. Шабалина в канцелярию Охотского порта о пребывании на Курильских островах и встречах с японскими купцами. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XVIII/1740-1760/Issl_russ_tich_ok_XVIII/41-60/53.phtml?id=3853 (дата обращения: 15.03.2008).
19. Щепкин В.В. Айны глазами японцев: неизвестная коллекция А.В. Григорьева. СПб.: Арка, 2022. 302 с.
20. Brandt M. von. Über die Ainos // Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 1871—1872. S. 23—30.
21. Broughton W.R. A Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean. London: T. Cadell and W. Davies, 1804. 393 p.
22. Dubreuil Ch. Ainu Art: The Beginnings of Tradition // Ainu: Spirit of a Northern People. New York: Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, University of Washington Press, 1999. P. 287—300.
23. Howell R.W. The Kamui Oina: A Sacred Charter of the Ainu // The Journal of American Folklore. 1952. Vol. 65. No. 258. P. 379—417.
24. Landor A.H.S. Alone with the Hairy Ainu Or, 3800 Miles on a Pack Saddle in Yezo and a Cruise to the Kurile Islands. London: John Murray, 1893. 325 p.
25. Leupe P.A. Reize Maarten Gerritsz Vries in 1643 naar Japan. Met Kaarten Fac-Similes, en geographische en ethnographische Aanteekeningen, P.F. von Siebold. Amsterdam: Frederik Muller, 1858. 439 p.
26. Ohnuki-Tierney E. Sakhalin Ainu Folklore // Anthropological Studies 2. Washington D.C.: American Anthropological Association, 1969. 183 p.
27. Philippi D.L. Songs of Gods, Songs of Humans. The Epic Tradition of the Ainu. Tokyo: University of Tokyo Press, 1979. 412 p.
28. Pilsudski B. Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore / ed. by J. Rozwadowski. Cracow: Imperial Academy of Sciences, 1912. 242 p.
29. Scheube B. Die Ainos // Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens. Band III (1880—1884). Heft 26. S. 220—250.
30. Schurtz H. Zur Ornamentik der Aino // Internationales Archive für Ethnographie. 1896. Band IX. S. 233—251.
31. Siebold Ph. Nippon. Wurzburg und Leipzig: Verlag der K.U.K. Hofbuchhandlung von Leo Woerl, 1897. 342 s.

32. 深澤百合子. 17世紀沙流川流域アイヌ文化の銅製造技術 = Фукасава Юрико. Технология сталеварения в культуре айнов р. Сару в XVII в. // 北海道考古学. 1998. Т. 34. № 3. С. 43—61.
33. 夷酋列像蝦夷地イメージをめぐる人・物・世界 = Люди, вещи и мир, окружающий образ Эдзо. Саппоро: 北海道博物館, 2015. 194 с.
34. 金田一 京助. イヌの研究 = Киндайти Кёсукэ. Исследование айнов. Токио: 三田史学会, 1940. 476 с.
35. 金田一 京助, 杉山寿栄男. アイヌ芸術〈服装編〉= Киндайти Кёсукэ, Сугияма Сузо. Айнское искусство: одежда. Токио: 第一青年社, 1941. Т. 1.
36. 金田一 京助, 杉山寿栄男. アイヌ芸術〈金工・漆器篇〉= Киндайти Кёсукэ, Сугияма Сузо. Айнское искусство: Металлические и лакированные изделия. Токио: 第一青年社, 1943.
37. 北原次郎太. シンリウウレシバ(祖先の暮ら)第2回「採集・漁労」= Китахара Дзирота. Синри-цуреспа (жизнь предков). № 2. Собираательство и рыбная ловля // 月刊シロロ 4月. 2015. № 4. URL: <http://www.ainu-museum.or.jp/siror/monthly/201504.html> (дата обращения: 10.02.2020).
38. 錦谷 禎. アイヌ文様 No. 1 = Нисикия Тадаси. Айнские узоры. № 1 // 北海道教育大学紀要. 第一部. А, 人文科学編. 1970. Т. 21. № 1. С. 25—40.
39. 更科源蔵. コタン生物記 = Сарасина Гэндзо. Биологические хроники котана // 野獣, 海獣, 魚族篇. Токио: 法政大学出版局, 1976. Т. 2. С. 269—539.
40. 諏訪原 貴子, 鷹司 綸子. アイヌの民族衣服における文様の呪術的要素と地域差 = Сувахара Такако, Такацукаса Ринко. Магические элементы узоров и региональные различия в национальной одежде айнов // 和洋女子大学紀要. 2002. № 42. С. 181—195.
41. 山本幸夫. アイヌカラフト. 住居と国の道具 = Ямамото Юкио. Айны Карафутто. Жилища и национальная утварь. Токио: 相模書房, 1943. 262 с.
42. Арх. РЭМ (Арх. Российского этнографического музея). Описание коллекции № 2817. Коллекция собрана В.А. Васильевым по поручению Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III в 1912 г.

REFERENCES

1. Bayburin A.K. Predisloviye [Preface]. Bogatyrev P.G. *Narodnaya kul'tura slavyan* [Folk Culture of the Slavs]. Ed. by E.S. Novik. Moscow, OGI Publ., 2007, pp. 7—18. (In Russ.)
2. Bayburin A.K. Semioticheskiy status veshchey i mifologiya [Semiotic Status of Things and Mythology]. *Material'naya kul'tura i mifologiya. SMAE* [Material Culture and Mythology. Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, vol. 37, pp. 215—226. (In Russ.)
3. Bart R. Semantika veshchi [Semantics of the Object]. *Sistema mody* [The Fashion System]. Moscow, 2003, pp. 416—426. (In Russ.)
4. Base. *Lirika* [Lyrics]. Available at: http://wikilivres.ru/Lirika_Base/Markova/Khaiku_5 (accessed 20.03.2016). (In Russ.)
5. Gerchuk Yu.Ya. *Chto takoe ornament? Struktura i smysl ornamental'nogo obraza* [What Is Ornament? The Structure and Meaning of the Ornamental Image]. Moscow, RIP-kholding Publ., 2013, 304 p. (In Russ.)
6. Izotova N.N. *Obraz drakona v yaponskoy kul'ture: genezis i semantika* [The Image of the Dragon in Japanese Culture: Genesis and Semantics].

- Yaponskiye issledovaniya*, 2024, no. 2, pp. 100—112. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-100-112. (In Russ.)
7. Lévi-Strauss C. *Put' masok* [The Path of Masks]. Moscow, Respublika Publ., 2000, 399 p. (In Russ.)
 8. Nevskiy N.A. *Aynskiy fol'klor* [Ainu Folklore]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 175 p. (In Russ.)
 9. Opisanie Severnogo Edzo, sdelannoye Mamiya Rindzo [Description of Northern Ezo by Mamiya Rindzo]. *Krayevedcheskiy byulleten'*, 1990, no. 2, pp. 58—130. (In Russ.)
 10. Osipova M.V. *Aynskiy tanets: ot igrovogo k zrelischnomu* [Ainu Dance: From Play to Performance]. Khabarovsk, Grand Ekspress Publ., 2019, 200 p. (In Russ.)
 11. Osipova M.V. *Iskusstvo aynov: traditsii i sovremennost'* [Ainu Art: Traditions and Modernity]. Saint Petersburg, Lema Publ., 2025, 506 p. (In Russ.)
 12. Ostrovskiy A.B. Ornamentika aynskikh kul'tovykh predmetov: priznaki sakral'noy kommunikatsii [Ornamentation of Ainu Ritual Objects: Features of Sacred Communication]. *Kunstkamera*, 2024, no. 1(23), pp. 175—183. DOI: 10.31250/2618-8619-2024-1(23)-175-183. (In Russ.)
 13. Palaguta I.V. Ornament kak osobyi vid iskusstva [Ornament as a Special Type of Art]. *Khudozhestvennaya kul'tura*, 2020, no. 1, pp. 45—64. (In Russ.)
 14. Pilsudskiy B.O. *Ainy Yuzhnogo Sakhalina (1902—1905)* [The Ainu of Southern Sakhalin (1902—1905)]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskoe kn. izd-vo Publ., 2007, 244 p. (In Russ.)
 15. Polonskiy A.S. Kurily [The Kuril Islands]. *Krayevedcheskiy byulleten'*, 1994, no. 3, pp. 3—86. (In Russ.)
 16. Sinitsyn A.Yu. *Oruzhiye i boyevoye snaryazheniye yaponskikh samurayev: Katalog kollektsii MAE* [Weapons and Military Equipment of Japanese Samurai: Catalog of the MAE Collection]. Saint Petersburg, Borei Print Publ., 1999, 160 p. (In Russ.)
 17. Sokolov A.M. *Plameneyushchiye klinki aynov* [Flaming Blades of the Ainu]. Saint Petersburg, MAE RAN Publ., 2022, 252 p. (In Russ.)
 18. Shabalin D.Ya. *Iz raporta peredovshchika, irkutskogo kuptsa D.Ya. Shabalina v kantseliariyu Okhotskogo porta o prebyvanii na Kuril'skikh ostrovakh i vstrekhakh s yaponskimi kuptsami* [From the Report of the Expedition Leader, Irkutsk Merchant D.Ya. Shabalin to the Office of the Okhotsk Port on His Stay in the Kuril Islands and Meetings with Japanese Merchants]. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XVIII/1740-1760/Issl_russ_tich_ok_XVIII/41-60/53.phtml?id=3853 (accessed 15.03.2008). (In Russ.)
 19. Shchepkin V.V. *Ainy glazami yapontsev: neizvestnaya kollektsiya A.V. Grigor'yeva* [The Ainu Through the Eyes of the Japanese: The Unknown Collection of A.V. Grigoriev]. Saint Petersburg, Arka Publ., 2022, 302 p. (In Russ.)
 20. Brandt M. von. Über die Ainos. *Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*. 1871—1872, pp. 23—30. (In Germ.)
 21. Broughton W.R. *A Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean*. London, T. Cadell and W. Davies Publ., 1804, 393 p. (In Eng.)
 22. Dubreuil Ch. *Ainu Art: The Beginnings of Tradition. Ainu: Spirit of a Northern People*. New York, Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, University of Washington Press, 1999, pp. 287—300. (In Eng.)

23. Howell R.W. The Kamui Oina: A Sacred Charter of the Ainu. *The Journal of American Folklore*, 1952, vol. 65, no. 258, pp. 379—417. (In Eng.)
24. Landor A.H.S. *Alone with the Hairy Ainu Or, 3800 Miles on a Pack Saddle in Yezo and a Cruise to the Kurile Islands*. London, John Murray Publ., 1893, 325 p. (In Eng.)
25. Leupe P.A. *Reize Maarten Gerritsz Vries in 1643 naar Japan. Met Kaarten Fac-Similes, en geographische en ethnographische Aanteekeningen, P.F. von Siebold*. Amsterdam, Frederik Muller Publ., 1858, 439 p. (In Dutch)
26. Ohnuki-Tierney E. Sakhalin Ainu Folklore. *Anthropological Studies* 2. Washington D.C., American Anthropological Association Publ., 1969, 183 p. (In Eng.)
27. Philippi D.L. *Songs of Gods, Songs of Humans. The Epic Tradition of the Ainu*. Tokyo, University of Tokyo Press, 1979, 412 p. (In Eng.)
28. Pilsudski B. *Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore*. Ed. by J. Rozwadowski. Cracow, Imperial Academy of Sciences Publ., 1912, 242 p. (In Eng.)
29. Scheube B. Die Ainos. *Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens*, band. III (1880—1884), heft 26, ss. 220—250. (In Germ.)
30. Schurtz H. Zur Ornamentik der Aino. *Internationales Archive für Ethnographie*, 1896, band IX, ss. 233—251. (In Germ.)
31. Siebold Ph. *Nippon*. Wurzburg und Leipzig, Verlag der K.U.K. Hofbuchhandlung von Leo Woerl Publ., 1897, 342 s. (In Germ.)
32. 深澤百合子. 17世紀沙流川流域アイヌ文化の鋼製造技術 [Fukazawa Yuriko. Steelmaking Technology of the Ainu Culture in the Saru River Basin in the 17th Century]. *北海道考古学*, 1998, vol. 34, no. 3, pp. 43—61. (In Jap.)
33. 夷酋列像蝦夷地イメージをめぐる人・物・世界 [People, Things and the World Surrounding the Image of Ezo]. Sapporo, 北海道博物館 Publ., 2015, 194 p. (In Jap.)
34. 金田一京助. *アイヌの研究* [Kindaichi Kyōsuke. The Study of the Ainu]. Tokyo, 三田史学会 Publ., 1940, 476 p. (In Jap.)
35. 金田一京助, 杉山寿栄男. *アイヌ芸術〈服装編〉* [Kindaichi Kyosuke, Sugiyama Sueo. Ainu Art: Clothing]. Tokyo, 第一青年社 Publ., 1941, vol. 1. (In Jap.)
36. 金田一京助, 杉山寿栄男. *アイヌ芸術〈金工・漆器篇〉* [Kindaichi Kyosuke, Sugiyama Sueo. Ainu Art: Metalwork and Lacquerware]. Tokyo, 第一青年社 Publ., 1943. (In Jap.)
37. 北原次郎太. シンリッウレシパ(祖先の暮ら)第2回「採集・漁労」 [Kitahara Jirota. Shinri Ureshipa (Life of the Ancestors). Part 2: “Gathering/Fishing”]. *月刊シロ* 4月, 2015, no. 4. Available at: <http://www.ainu-museum.or.jp/siror/monthly/201504.html> (accessed 10.02.2020). (In Jap.)
38. 錦谷 禎. アイヌ文様 No.1 [Nikishiya Tadashi. Ainu Patterns No.1]. *北海道教育大学紀要. 第一部. A, 人文科学編*, 1970, vol. 21, no. 1, pp. 25—40. (In Jap.)
39. 更科源蔵. コタン生物記 [Sarashina Genzo. The Biological Chronicles of Kotan Village]. *野獣, 海獣, 魚族篇*, Tokyo, 法政大学出版局 Publ., 1976, vol. 2, pp. 269—539. (In Jap.)
40. 諏訪原 貴子, 鷹司 綸子. アイヌの民族衣服における文様の呪術的要素と地域差 [Suwahara Takako, Takatsukasa Rinko. Magical Elements of Patterns and Regional Differences in Ainu National Clothing]. *和洋女子大学紀要*, 2002, no. 42, pp. 181—195. (In Jap.)
41. 山本幸夫. *アイヌカラフト. 住居と国の道具* [Yamamoto Yukio. Ainu Karafuto. Dwellings and National Tools]. Tokyo, 相模書房 Publ., 1943, 262 p. (In Jap.)

Дата поступления в редакцию 13.08.2025